

ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В БЛИЖНЕМ И ДАЛЬНЕМ ЗАРУБЕЖЬЕ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

А.А. Громыко – д.полит.н., директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, профессор РАН, руководитель Центра британских исследований, соучредитель российского движения «За укрепление демократического мирового правопорядка и в поддержку ООН», член редколлегии журнала «Современная Европа», член РСМД

– Алексей Анатольевич, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– За последнее десятилетие России во внешней политике удавалось «бить сильнее своих возможностей». Это означает, что с учетом суммарного внутреннего потенциала страны со всеми его преимуществами и уязвимыми местами внешняя политика оставалась сферой, в которой убедительно проявлялись глобальные атрибуты российского государства. Россия в начале третьего десятилетия XXI в. остается в числе наиболее влиятельных и заметных игроков на мировой сцене.

Во внешней политике не совершаются чудеса, но именно поэтому необходимы выверенные, продуманные, профессиональные действия, сводящие воедино дипломатические, политические, экономические и военные инструменты продвижения национальных интересов на международной арене. Россия стала одной из наиболее влиятельных сил на Ближнем Востоке, успешно выстраивала стратегический союз с Китаем, постепенно восстанавливала свою роль в Африке, не только не опаздывала, но превентивно и системно наращивала свои позиции в Арктическом регионе. Исходя из имеющихся возможностей и внутренних ресурсов, расстановки сил в прилегающих к ней регионах и в мире в целом, Россия вполне успешно адаптировалась к происходящим вокруг нее изменениям, «держала удар» и использовала выпадавшие ей шансы.

Косвенным свидетельством справедливости такой оценки служит то обстоятельство, что отношение к России со стороны ее западных конкурентов как к якобы слабеющей региональной державе сменилось на прямо противоположное – как к державе, находящейся в центре внимания США и их союзников. В своей риторике Запад бросился из одной крайности в другую – от изображения России как второстепенной силы к ее критике как вездесущего игрока, «вмешивающегося» во все мыслимые и немыслимые политические процессы в своем ближнем и дальнем зарубежье. Российский фактор превратился в яблоко раздора во внутренней политике Соединенных Штатов, в постоянную тему, влияющую на взаимоотношения между государствами –

членами Евросоюза, в главного «другого» для придания осмысленности существованию НАТО. Украинский кризис мог стать тяжелым геополитическим ударом для Москвы без какой-либо компенсаторики. Но даже в этих сверхсложных обстоятельствах она действовала не только реактивно, но и проактивно: произошло воссоединение Крыма с Россией, зацементирован Нормандский формат для решения проблемы Донбасса.

На остальном постсоветском пространстве удалось продемонстрировать, что политика – это искусство возможного: удалось в сложных условиях запустить и развивать Евразийский экономический союз, сохранять в тонусе ОДКБ, достойно участвовать в ШОС и БРИКС, оказаться единственной силой, способной выступить миротворцем между Арменией и Азербайджаном, сохранить свое влияние в Центральной Азии, осторожно, но твердо действовать в связи с политическим кризисом в Белоруссии.

Россия оставалась единственной влиятельной страной в мире, которая последовательно стремилась к спасению хотя бы части разваливающейся системы контроля над вооружениями. Эти усилия привели к положительному решению проблемы, судьба которой висела на волоске, – удалось продлить на пять лет СНВ-3. Москва внесла целый ряд мирных инициатив в ответ на выход США из ДРСМД, неоднократно предлагала перезапустить отношения с НАТО и ЕС.

Спорный вопрос – окрепли международные позиции России за последние 10 лет или она оказалась в более сложной для себя ситуации? Представляется, что вопрос риторический, и лучший на него ответ – смотря с чем и кем сравнивать. Например, окрепли за тот же период позиции США, Германии, Франции, Британии, ЕС, или они ослабли? Вряд ли найдутся серьезные эксперты, которые стали бы утверждать, что они стали сильнее. С этой точки зрения Россия, по крайней мере, не потеряла во внешней политике больше, чем другие, и одновременно достигла ряда успехов.

Одновременно немало специалистов будут утверждать, и не без оснований, что многое в развитии страны можно было сделать лучше, «выше и сильнее». Конечно, хотелось бы, чтобы ситуация была более благоприятной. Но сегодня на весах фортуны такой расклад достижений и неудач во внутреннем и внешнем развитии России последнего десятилетия, который можно считать удовлетворительным. Банальность – что внешняя политика опирается на внутренние ресурсы и зависит больше от политики внутренней, нежели наоборот. Поэтому так же банально, что внутреннее состояние России и будет в основном определять итоги внешней политики нашей страны, которые специалисты-международники подведут через следующие 10 лет.

– На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– В следующее десятилетие Россия по-прежнему будет решать задачи трех основных внешнеполитических вызовов: сохранить контроль над процессами на постсоветском пространстве и преуспеть в интеграционных проектах, в которых она играет здесь ключевую роль; стабилизировать и нормализовать отношения с ведущими западными государствами на основе обоюдной выгоды; так выстраивать отношения с Китаем, чтобы сохранить их характер дуумвирата, не скатившись на позиции младшего и зависимого партнера. Но это исходя из представления о достаточно условном делении вызовов на внешние и внутренние. Если же иметь в виду прогрессирующую размытость границы между ними, то четвертый вызов, простирающийся на несколько десятилетий вперед, заключается в феномене энергетического перехода и зеленой повестке дня, что неразрывно связано с проблемой глобального потепления. Ответить на этот вызов можно лишь изменив структуру, качество российской экономики и жизни. Это дело сугубо внутреннее и не блистающее большими успехами. Но в данном случае внешние факторы будут также толкать российское государство и общество к необходимости таких изменений, иначе уже в обозримой перспективе большинство конкурентных преимуществ существующей экономической модели будут исчерпаны.

– Что Россия и Европейский союз могли бы предпринять уже сейчас для минимизации или преодоления кризиса в двусторонних отношениях?

– Россия должна продолжать терпеливо и вежливо разъяснять европейским партнерам, что она не отказывается от форматов многостороннего и взаимовыгодного партнерства с ЕС. Также необходимо в рабочем режиме продолжать развивать взаимовыгодное сотрудничество там, где это не зависит от политической конъюнктуры – в экономике, культуре, науке, образовании. Что бы Россия ни делала в ближайшее время, поведение ЕС на наднациональном уровне и на уровне отдельных государств-членов не изменится. Многие в этом руководствуются рефлексамми, а не прагматизмом и здравым смыслом. К сожалению, в борьбе с «новым популизмом» в ЕС, во внутривнутриполитической борьбе в Соединенных Штатах антироссийский настрой стал своего рода независимой ни от чего константой. Изобретая все новые санкции, в том числе «горизонтального» характера, ЕС все глубже сам себя загоняет в тупик в области отношений с Россией. Чтобы рано или поздно переломить эти тенденции, России важно даже не столько что-то предпринимать на европейском направлении, где пространство для маневра узкое, сколько раз-

виваться успешно как внутренне, так и в форматах интеграционных проектов на постсоветском пространстве, в вопросах диверсификации своей внешне-экономической деятельности.

– Сегодня в рамках процессов глобализации можно наблюдать подобию некой новой биполярности – между США и Китаем, соперничество между которыми особенно обострилось с приходом Д. Трампа к власти в США. Что может означать эта биполярность для отношений России и ЕС? Будет ли она, на Ваш взгляд, способствовать дальнейшему осложнению и ухудшению отношений Москвы и Брюсселя, либо же, напротив, сможет сыграть определенную позитивную роль?

– Не считаю, что у концепции «новой биполярности США – Китай» есть высокие шансы на воплощение в жизнь; писал об этом не раз, в том числе на портале РСМД. Речь идет о межгосударственном соперничестве, а не о новом расколе мира на два лагеря. Нарастание противоречий между США и Китаем не отменяет того факта, что мир чем дальше, тем больше становится полицентричным. Сверхдержав в XXI в. по шаблону предыдущего столетия уже не будет. Можно использовать какие-то параллели с эпохой классической холодной войны, но вряд ли это стоит делать с помощью прямолинейной идеи «новой биполярности». Новую холодную войну попытался провозгласить летом 2020 г. М. Помпео, но сомневаюсь, что в глазах значительного количества международных политиков такого пошиба воспринимается как У. Черчилль номер два. У. Черчилль бы сильно обиделся. Что касается действительного противостояния Пекина и Вашингтона на годы вперед, то большинство стран мира, в которые входят многие государства – члены ЕС и, уверен, Россия, не захотят ни встраиваться в раскручиваемую часть политического истеблишмента США конфронтацию с Китаем, ни становиться сателлитами одной из этих стран. Конечно, одни будут намного ближе к США, другие – к Китаю, но на деле верх будет брать прагматизм и политика балансирования, а не верноподданничества. Об этом свидетельствует и недавнее инвестиционное соглашение Брюсселя с Пекином, и осторожная политика Москвы в отношении инициативы «Один пояс, один путь».